

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ КНИГИ

И.Б. Орлова. *Евразийская цивилизация*. – М., 1998. – 280 с.

Мне уже доводилось обращаться к сюжету о "евразийстве" [1]. Но недавно прочитанная книга, написанная научным сотрудником Института социально-политических исследований Российской Академии наук, заставляет к нему вернуться. Заголовки со словом "*цивилизация*" вызывают у меня пристальный интерес, ибо изучаю этот феномен уже не один год. Однако изложенные в книге авторские представления привлекли не только внимание, но и спровоцировали на рецензию.

Ирина Борисовна Орлова опирается, прежде всего, на концепцию Н.Я.Данилевского, приводя уже в начале книги пространные выдержки из его обширного сочинения "Россия и Европа", написанного в 1868 г. (недавно в шестой раз переизданного [2]). Автор присоединяется к его концепции цивилизаций, которые, по Данилевскому, включают в себя науки, искусство, религию, политику, гражданское, экономическое и общественное развитие вместе взятые (22)¹. У Данилевского, однако, дальше следует мысль о том, что все цивилизации по собственному ритму рождаются, расцветают и умирают. Такой биологизм ботаника по образованию отнюдь не бесспорен. Но для И.Б. Орловой важнее не эти общие суждения, а иной, более существенный для Данилевского вывод: "Прогресс состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении, а в том, чтобы всё поле, составляющее поприще исторической деятельности человека, исходило в разных направлениях" [2, с.73]. Но этот вывод, вполне приемлемый, автору нужен для дальнейшего обоснования особого пути России.

К этому мы вернемся чуть ниже. Здесь же хотелось бы кое-что дополнить о Данилевском, ибо его представления об историческом процессе и о роли в нем разных цивилизаций, народов и стран весьма своеобразны, причем настолько, что заставляют с осторожностью относиться к отдельным, вырванным из контекста, его суждениям. Весь пафос его многостраничного фолианта сводился к обоснованию идеи "Европа враждебна России" [2, с.IX]. Уже после первого издания книги (1869 г.) с критикой ее положений выступили западники, народники, профессионалы-историки и социологи: М.М.Ковалевский, Н.И.Киреев, П.Н.Миллюков, В.С.Соловьев, подчеркивавшие, что автор весь использованный фактический материал подчинил надуманной произвольной схеме исторического процесса, что отличительная черта его сочинения – провозглашение русской, славянской точки зрения. Последовали обвинения его в "узком и неразумном патриотизме" (В.С.Соловьев), в "политической невоспитанности" (Н.К.Михайловский) [2, с.VII-VIII]. Сказалась историческая ситуация: Данилевский писал под впечатлением Крымской войны и начала объединения Германии. Автору казалось, что начавшиеся реформы в России позволят стабилизировать социальную обстановку, будут способствовать благополучному

¹ Цифры в скобках – страницы по книге И.Б.Орловой.

развитию страны, если она пойдет своим путем, реализует собственные потенции, а влияние Европы автор считал для России отрицательным [2, с.V-VI]. Анализируя же вопрос, почему Европа не принимает в себя Россию, Данилевский незаметно переходит на оправдание всей внешней политики России. Завоевание Финляндии не было преступлением, как считают в Европе [2, с.22]. Завоевание Кавказа Европе не нравится, хотя его, как и Среднюю Азию, Россия цивилизовала, а уж завоевания Сибири и вовсе не было [2, с.30-31]. Но наиболее резко Данилевский высказывался по отношению к Польше. "Сохранив до поры свое славянское тело, она потеряла свою славянскую душу и чтобы обрести ее, должна была войти в тесное, хотя, к сожалению, и недобровольное соединение с Россией" [2, с.411]. Пафос такого отношения был в том, что коль Россия оставалась тогда единственной независимой славянской державой, она должна быть лидером всех славян [2, с.406, 411]. Эта славянофильская идея, однако, дополнялась у Данилевского отрицанием Европы, чего у классических славянофилов не было. Он считал, что Европа уже прошла пик своего расцвета и впереди у нее лишь старение и дряхление, а у России – иное будущее. Доказательству этого посвящена концепция культурно-исторических типов, для своего времени интересная, но весьма спорная при сопоставлении с историческими реалиями. Общечеловеческое в ней отрицалась и преувеличивалась национальная составляющая цивилизаций. И создана эта концепция для обоснования еще одного пафосного вывода Данилевского: "для всякого славянина после Бога и Святой Церкви идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, науки, просвещения, всякого земного блага, ибо ничего этого недостижимо без независимого самобытного Славянства" [2, с.107].

Вернемся к книге И.Б. Орловой. Она отмечает, что концепцию Данилевского в Европе не знали и через 50 лет появляется аналогичная концепция О.Шпенглера, а под его влиянием – А.Тойнби (23). Автор внимательно рассматривает концепции цивилизаций, бытовавшие в европейской историографии от французских просветителей до К.Ясперса, С.Хантингтона и Н.Н.Моишсеева (7-31). Подчеркивает мысль Хантингтона о том, что цивилизационные различия складывались столетиями и не исчезнут в обозримом будущем [3, с.38]. Выделяет мысль Л.Н.Гумилева о том, что цивилизации, главными носителями основных черт которых являются люди, подчиняются глобальным законам развития всего живого на Земле (антропосферы Земли) (21). Но наиболее соответствуют представлениям автора о цивилизациях воззрения о них Данилевского. Марксистская же схема, основанная на представлении о линейном универсальном развитии всего человечества, с необходимостью революционного перехода ко всеобщей коммунистической цивилизации автором, естественно, отвергается (22).

Далее автор анализирует параметры цивилизаций. Аргументированно показывается, что религия не является обязательным цивилизационным признаком. Приводятся примеры лояльного отношения русского православного общества к иноверцам, из которых вышло много знаменитых в России родов. Подчеркивается, что именно на этом принципе сложился монолит, который стал Великороссией. Но, признает автор, и западная цивилизация не монорелигиозна (32-33). Впрочем, то же можно сказать почти обо всех основных мировых цивилизациях.

Одним из главных системообразующих элементов цивилизационной идентичности, подчеркивает автор, наряду со временем, является пространство, опирающееся на особенности природной среды, ландшафта, климата. Формирование и развитие культурно-исторических систем, то есть цивилизаций,

происходит в процессе взаимодействия конкретных этносов или их объединений (суперэтносов) по формированию и обустройству своей пространственной среды (36). Можно добавить, что именно специфика окружающей среды во многом способствовала формированию многих других основополагающих цивилизационных признаков в доиндустриальные эпохи, когда выживание людей напрямую зависело от умения приспосабливаться к природным условиям в хозяйстве и в быту, формировало антропологический тип и ментальность.

Многие народы, продолжает И.Б. Орлова, не создали своей цивилизации. Они или ассимилировались в более крупные цивилизации, или добавили в такие цивилизации свои этнокультурные пласты (37). Так, после падения Рима, входившие в его состав народы были подвергнуты германизации, что привело к созданию новой европейской (западной) цивилизации (38). Но ведь именно западноевропейская цивилизация в итоге оказалась чуть ли не самой многонациональной. Оказывается, что цивилизация не обязательно нивелирует этносы или нации внутри себя. То же, кстати, относится и к мусульманской цивилизации. Хотя есть и обратные примеры – Китай. Так что с однозначным выводом автора здесь трудно согласиться.

Цивилизацию, продолжает И.Б. Орлова, нельзя искусственно переносить, насадить среди других народов, и в качестве примера приводит эллинизм как попытку переноса греческой цивилизации на всю державу Александра Македонского. Но эллинистическая культура с греческим языком, по ее мнению, затронула только верхний поверхностный слой и не привилась в завоеванных землях (38).

Тем не менее, почти тысячелетие, до арабского завоевания в VII в. н.э. так называемый Ближний Восток входил в сферу существования античного, затем и ранневизантийского обществ, то есть в античную цивилизацию со всеми ее основными параметрами. Этническое многообразие, как отмечалось, тоже вполне цивилизационный признак. Укоренение же на этих землях арабов и сложение там иного общества, ставшего частью новой, мусульманской цивилизации (тоже, как отмечалось, разнотнической), связано, в том числе, и с разрушением античной цивилизации.

Другой приводимый в книге пример – неудачная попытка испанцев "втянуть" завоеванных американских индейцев в свою цивилизацию путем зачисления их вождей в идалго, если те крестились, и посылки их учиться в Саламанку (39). Тоже некорректный пример. Ибо это была лишь попытка создать узкий слой чиновников-компрадоров для удобства эксплуатации основной массы туземцев, к которым, как известно, относились достаточно жестко, что и отводило их от сотрудничества с европейцами. Но в той же Латинской Америке есть и иные примеры. При достаточно толерантном отношении европейцев к индейцам, да и (позднее), к неграм сложились очень специфические цивилизационные модели, близкие к западноевропейской, но все же своеобразные, как, например, в Бразилии, с причудливым сочетанием там евроафро-индейских культурных традиций, прекрасно отраженные в латиноамериканской литературе. Вспомним хотя бы Ж.Амаду, Л.Борхеса, Г.Маркеса. Далее автор констатирует неудачи попыток Англии передать свои достижения Индии в XIX в. и заключает: включение в другие цивилизации возможно лишь при потере народом политической независимости. Заимствование, передача результатов деятельности одной цивилизации народам другой цивилизации плодотворна при сохранении народами разных цивилизаций политической и экономической независимости, своих культурных и бытовых традиций, религиозных воззрений, своей ментальности, т.е. самобытности и народного начала (39-41).

То есть утрата цивилизационной идентичности возможна при потере независимости. Кто бы спорил. Но мирное взаимоискусствование цивилизационных признаков автор вполне допускает. Однако далее: "Всегда смена цивилизаций означает смену участвовавших в них этносов как носителей цивилизационных черт" и "...отдельные этносы или группы этносов (суперэтносы) могут отделяться от одной... цивилизации и присоединяться к другой" (50). Но ведь обе эти фразы противоречат друг другу: если этнос присоединяется к другой цивилизации, то где же смена этносов? В качестве примера: "поляки, венгры, чехи, словаки, болгары, жертвуя собственной социо-культурной идентичностью, изо всех сил стараются слиться с западной культурно-исторической системой" (50). Это, кстати, единственное в книге упоминание этих народов, причем высокомерное (в духе Данилевского) и без понимания сути их цивилизационной принадлежности. Кстати, в случайном подборе исторических примеров, свойственных И.Б. Орловой, тоже упрекали Данилевского.

Автор обращается и к генезису современных цивилизаций. Она констатирует, что современная западная цивилизация ведет отсчет от V в., когда германские племена начали новый этап истории Западной Европы. В отличие от западного арийского сородича, продолжает И.Б. Орлова, славянин начал свое культурное строительство на 500 лет позднее, в других природных и исторических условиях, осваивая пустые лесные и болотные пространства (43). В течение 500 лет (V-X вв.) западноевропейская культурно-историческая система была отрезана от своего восточного соседа – великой русской равнины (46). Здесь, кстати, автор допускает сопоставление разнородных систем: географической (равнина) и социальной (цивилизация). Далее нечто не совсем понятное: "Их разделяла полоса, занятая непрерывно кочующими воинственными азиатскими тюркскими племенами" (46). Неужели между бассейнами Днепра и Рейна располагались Причерноморские степи? А где же западные славяне? Похоже, им нет места не только в авторской концепции, но и на географической карте?

Далее автор справедливо констатирует: Запад плохо знал, что делается на востоке Европы. И делает заключение, что, может, с тех времен начала складываться свойственная и сегодня западной цивилизации особенность судить обо всем, исходя из собственной системы координат, считать, что европейская (западная) цивилизация тождественна общечеловеческой, пытаться цивилизовать все человечество по своему образу и подобию. И добавляет, что об этом с сарказмом писал еще 100 лет назад Данилевский, а позднее – Шпенглер (46).

Но можно ли, спрашивает И.Б. Орлова, считать европейскую цивилизацию венцом творения на том основании, что она стала наследницей великих цивилизаций прошлого – греческой и римской? Строго говоря, подчеркивает автор, античные цивилизации [кажется, всё же была одна античная цивилизация – Я.Р.] формировались и развивались не в одной Европе, а в одинаковой степени, как на европейском, так и на азиатском и африканском берегах Средиземного моря. По географическому критерию Гомер, Фалес, Геродот, Гиппократ, творившие на малоазийском берегу Эгейского моря – азиаты. Все великие творения античности появились в Средиземноморье вне континентальной границы. Поэтому считать Европу правопреемницей античной культуры есть искажение действительности (46-47).

Здесь автор противоречит своему же вышеотмеченному утверждению о том, что азиатские земли античной цивилизации не вошли позднее в эллинистическое общество. Но это, так сказать, реплика в сторону. Главное же состоит в том, что основополагающие признаки античной и западноевропейской

цивилизаций – примат права, незыблемость частной собственности и демократические принципы – аналогичны в обеих цивилизациях и более нигде. Хотя, как известно, путь Западной Европы к этим античным принципам (кстати, во многом отвергнутым и позднеантичным обществом) был долгим и занял почти тысячу лет. Но и привязывать западную цивилизацию исключительно к конкретному географическому региону – неправильно, что подтверждается современной экспансией западных ценностей. Получается, что автор сама себя опровергает, не считая основу западноевропейской цивилизации исключительно европейским явлением.

Слово "Европа", продолжает автор, имеет не географический, а культурно-исторический смысл. Принадлежать к ней – значит принадлежать к романо-германской культуре или западной (европейской) цивилизации [и опять автор исключает не только Центральную, но и Юго-Восточную Европу – Я.Р.]. Термины "Запад" и "Восток" – тоже условны. Противопоставление началось еще с античности, когда под Западом понималась эллино-римская культура [так все-таки это – одна античная цивилизация? – Я.Р.]. Востоком тогда называли Персию и подвластные ей семитские и кавказские народы. География тут ни при чем; например, Марокко лежит к западу от Италии, но всегда причисляется к Востоку, заключает И.Б. Орлова (47). Но здесь автор смешивает древние представления со средневековыми, когда в Африке появились арабы. Такие неточности характерны для авторских построений: небрежность в определении исходных данных рождает неточные выводы.

Восток, отмечает автор, определить сложнее. Востоков было много: Россия, Китай, Монголия, Индия, Иран, Сирия с Египтом отличаются между собой не меньше, чем от Европы (48). Значит, Россия – это Восток! А вывод о равном отличии каждой страны из названного региона друг от друга, как и от Европы, свидетельствует, думается, о непонимании автором истоков рассматриваемых цивилизаций. Или для неё это несущественно? Может, это и резко сказано, но небрежное обращение с историческими явлениями допустимо в художественной, но не в научной литературе. Однако автору это позволяет подойти к главному в своей книге.

Несходство Монголии и Китая, отмечает И.Б. Орлова, заметно уже в древности, о чем свидетельствует Великая Китайская стена. А "куда, – спрашивает автор, – отнести огромную зону лесной полосы и Великую [евразийскую – Я.Р.] степь: к Западу или к Востоку? По-видимому, целесообразно выделить ее как отдельную от того и другого, самостоятельную целостность – востоко-запад, или Евразию". Такой подход, заключает Орлова, не будет противоречить фактам этнической истории и истории культуры, ибо указанный регион имеет общие черты и свою, непохожую ни на запад, ни на восток специфику культуры (48). Будет!

Разве можно соединять в одну "зону" степь – пристанище кочевников – и лесные просторы с совсем иными типами хозяйства и жизни населявшего их населения? Получается, что восточные славяне-земледельцы и степняки-кочевники имеют "общие черты и... специфику культуры"?! И это под копирой Института социально-политических исследований Российской Академии наук!!! Безусловно, каждый имеет право свое суждение иметь. Как, например, тот же А.Т. Фоменко со своей "новой" хронологией всемирной истории. Но это уже иная литература...

Так автор подводит к главной идее своей книги – новому обоснованию евразийства. Уже при анализе цивилизационных признаков она заводит речь об особой "географии русской души", приводя пространную цитату из

Н.А.Бердяева [4, с. 66-68]. И тут же к знаменитому определению русского характера, сделанному философом, добавляет: русские землепроходцы не устраивали геноцид местного населения, в отличие от англичан в Америке (34). Но так ли это было в той же Сибири? Не связано ли это с элементарной аберрацией зрения и с традициями. Европейцы в Америке не скрывали своих деяний. Да и общественное мнение там уже существовало. А кого интересовало происходящее в Сибири при Ермаке? Кстати, Г.Уэллс в романе "Необходима осторожность" как бы шутки ради весьма убедительно доказывал, что англичане – самая безобидная и всеми обижаемая нация в мире. Так что, такие констатации скорее убажывают национальное чувство, чем что-то доказывают.

Возвратимся к авторскому анализу специфики Восточной Европы. Выше я уже отмечал рассуждения И.Б. Орловой о хронологической разнице в становлении славянского и германского обществ, где констатировалось, что современная западная цивилизация сложилась в середине I тыс. н.э., а славянская – спустя 500 лет. Посмотрим на эти рассуждения с другой стороны. Существовала ли единая славянская цивилизация, даже в раннем средневековье? Кстати, западная цивилизация справедливо не называется в книге германской, хотя именно германцы составили основной этнический массив в ней.

Дискуссионность многих представлений о прародине славян, их этногенезе и древней истории общеизвестна². Процесс расселения и освоения славянами их раннесредневековой территории (от Днепра и Верхней Волги на востоке до Эльбы на западе и от Балтийского побережья на севере до причерноморских степей и Дуная на юге) начался после Великого переселения народов в середине I тыс. Уже в VII-VIII вв. на западе славяне вступили в соприкосновение с германцами (что почему-то, как отмечалось, И.Б. Орлова не заметила). Ко времени образования первых государств (IX-X вв.), что, как известно, отражает структурирование обществ и переход их от первобытности к цивилизации, славяне уже были разобщены территориально и конфессионально. Это вылилось в прочно закрепившееся до наших дней разделение на западных, восточных и южных славян. Общность языка и многих черт культуры так и не перевесила территориальной обособленности и внешних влияний (с запада, юга и востока). Политические коллизии средневековья еще больше разобщили славянство. А к концу XVII в. единственным независимым славянским государством осталась Россия. Ее-то автор, очевидно, и отождествляет со славянской цивилизацией, хотя едва ли это корректно и по моральным соображениям, и с позиций исторических реалий. Но И.Б. Орлова упорно пренебрегает иными славянскими народами и между Западной Европой и Россией их не видит, ибо они, как считал Данилевский, придя к Западу, сами покинули славянство.

Вернемся к тексту. Рассматривая восточнославянскую историю, автор пишет: то, что мы переживаем теперь, Западная Европа переживала в конце XV – начале XVI в. Франция в XV в., как и Россия теперь, прошла через гражданскую войну (между бургундцами и орлеанцами) и смертей было не меньше (43).

Сопоставление, однако, весьма неосторожное. Помимо того, что так, походя, склеивать совершенно разные эпохи непозволительно, есть и чисто внешние неувязки – усобицы феодальных группировок того времени едва ли уместно называть гражданской войной. Кстати, тогда Франция участвовала и в самой длительной европейской войне – Столетней – с Англией. Но при этом, в отличие от современной России, тогдашняя Франция не вышла из более мощного государства, не испытала недавнего распада. Так что сопоставление

² Одну из наиболее полных сводок см. у В.В.Седова [5, с. 5-59].

просто несерьезное. Но оно позволяет автору писать: поэтому мы не должны копировать запад и быть догоняющими. "Мы не сможем на данном этапе достичь их уровня благосостояния и их нравов, так как наши императивы другие, они предполагают совсем иное поведение, иную культуру" (44).

После этого автор переходит к главной теме книги – анализу евразийской цивилизации. Западные историки пишут, отмечает И.Б. Орлова, что евразийская цивилизация на исторической арене появляется вдруг, с начала IX в. Но это не так. В VI-VIII вв. полуфеодалная Западная Европа с десятками варварских королевств еще не знала, что делалось на востоке континента, надолго отрезанном от Центра и Запада непрерывными потоками азиатских кочевников – тюрков: болгар, авар, хазар, печенегов. Но там незаметно для них формировалась третья по счету (после Рима и Византии) империя – Русь, ставшая средоточием системообразующих связей в рамках Евразии. Поэтому о ней известно только из восточных письменных источников (44). Так сложилась и существует 1000 лет евразийская цивилизация (высшей точкой развития которой стал XIX в.), входящая в тройку величайших взлетов в мировой культуре за весь период существования человечества наряду с классической Грецией V в. до н.э. и итальянским Возрождением. Но глубочайший кризис конца XX в. основательно подорвал ее силы (45).

В этом отрывке столько неточностей, что выводы в последних двух фразах представляются неосновательными. Во-первых, кто из западных историков пишет о евразийской цивилизации, да еще с IX в.? Во-вторых, из названных кочевников ни болгары, ни хазары, ни печенеги дальше Причерноморья не продвигались, следовательно, не могли заслонить восток континента от запада. Да и авары занимали довольно ограниченный анклав в Подунавье. Иное дело, что запад контактировал тогда с западными славянами: полабскими, поморскими, населением Великой Моравии, затем Чехии и Польши, а Византия – со славянами южными. Но их, как уже отмечалось, автор или не замечает, или ни во что не ставит, ибо это разрушает ее концепцию. В-третьих, новая империя "третий Рим" – уже совсем из другой эпохи. Кочующее по литературе название Киевского государства – "империя Рюриковичей" – всего лишь красивая этикетка, не отражавшая исторические реалии. В-четвертых, если после пика в XIX в. эта цивилизация впала в кризис, то значит, по вышеприведенной логике, она вообще клонится к упадку, о чем и свидетельствует "кризис конца XX в. (а в начале XX в. кризиса не было?). Наконец, в-пятых, о сути евразийской цивилизации – разговор особый. На несостоятельность выделения Евразии как единого целого, объединявшего восточных славян и кочевников, указывалось выше. Проследим за дальнейшими рассуждениями автора.

"Географическое выделение Европы как части света, – пишет И.Б. Орлова, – вообще абсурдно" и вспоминает Данилевского, К.Н. Леонтьева, Шпенглера. Действительно, между Европой и Азией нет природной границы. Уральский хребет и р.Урал не являются таковой. И далее следуют несколько страннных цитат из Данилевского о том, что "разделение Азии от Европы оказалось несостоятельным", что Россия Европе не принадлежит (49). Впечатление такое, что автор просто взяла концепцию Данилевского со всей его ксенофобией и вновь опубликовала, дополнив последующей историографией единомышленников.

Русская земля в широком смысле, – продолжает автор, – всегда была комплексом многих этносов этого региона Евразии. Славяне, среди прочих – ведущий этнос, наиболее инициативный и восприимчивый к византийской культуре, "позволявшей им противостоять другим суперэтническим целостностям".

В ранний период евразийской истории славяне занимали ее западную часть. С VIII в. славяне заселяли Поднепровье и бассейн Волхова. Соседи их – финно-угры (50-51).

Если так, то почему она – именно русская земля? Автор обращается к истокам восточного славянства, но без анализа проблем этногенеза, прародины и первоначального расселения все построения как бы повисают в воздухе, ибо не имеют под собой прочной фактологической основы. В результате, что уже отмечалось, восточные славяне оторваны от общеславянского корня. Ведь они родились не "из ребра Адама", а выделялись из древнеславянского этнического массива в процессе освоения Поднепровья (после VI в.) и затем, в ходе дальнейшего расселения, они не просто осваивали земли балтов и финно-угров, но и ассимилировали их, о чем однозначно свидетельствуют археологические данные VII-XIII вв., или же обращали в данников, то есть подчиняли. Летописи не сообщают о некоем новом культурно-историческом образовании. Они четко фиксируют, где славяне, а где в "Русской земле" – иные. Кстати, упоминая финно-угров, И.Б. Орлова отчего-то забывает других соседей восточных славян – балтов, на чьих землях обосновались северо-западные племена восточнославянского массива. Западная граница евразийского региона в рецензируемой книге нигде четко не указана и это не случайно, ибо, как отмечалось, автор не определилась с западными славянами.

Восток региона, читаем далее, заселяли монголоиды (в древности – тюрки, с XIII в. – монголы). Южная часть Евразии принадлежала метисированной популяции: сочетанию монголов, тюрков и иранцев. Все они – аборигены Евразии. Иноземцы здесь не приживались. Значит, делает вывод автор, Евразия – единое этническое целое, устойчиво отторгавшее внешние элементы. С XIII в. начался продолжающийся и поныне виток великорусского этногенеза (51), в который с XIII в. входят и финно-угры, вплоть до чукчей, хотя автор и признает, что перевод северных оленеводов на оседлый быт вел к потере ими самобытности и даже самого человеческого существования (50-51).

Интересная, кстати, интеграция в единый суперэтнос с исчезновением целых народов! Но это к слову. А в целом получается, что великорусский этнос – это восточные славяне+монголы+тюрки+иранцы+финно-угры? Об обоснованности такого вывода пусть спорят этнологи. Автор ссылается на Л.Н.Гумилева [6, с.56]. Он еще в 60-е гг. обосновал тесные связи этносов с природой, географическими условиями, не убоившись грозных тогда обвинений в географическом детерминизме и в этом заслуга. Но оригинальные исторические построения известного этнолога именно историками оцениваются весьма неоднозначно [См, напр., 7-8]. Хотел бы привести мнение известного археолога Л.С.Клейна. Его [Гумилева] аргументы – неосновательны. Это – схема, вытекающая из теоретической концепции, а не из фактов. Его книги – не монографии, а художественно-философские эссе, без строгих критериев отбора фактов. Он не работает с источниками, восстанавливая их истинный смысл, отвергает источниковедение и накладывает выбранные из источников факты (как гимназист) на канву времени и пространства. Всё доказывается не обобщением фактов, а бесконечным парадом примеров. Но этим можно доказать всё, что угодно. Гумилев блещет эрудицией, но она не убеждает, или убеждает легионеров, ибо факты нагромождены навалом, беспорядочно. В итоге автор – мифотворец, рядящийся в халат естествоиспытателя. Безоглядная смелость идей, уповающая на примеры и эрудицию – это оружие дилетантов. У автора есть априорные схемы, и он ищет под них доказательство. Но почитатели Льва Николаевича – свято верующие и переубедить их

невозможно. Им ничего не докажешь, их можно только обозлить, заключает Клейн [9]. Так что, опираясь на Гумилева, нельзя забывать о спорности его выводов.

Далее Орлова касается щепетильной проблемы конфликтов внутри рассматриваемого ею "суперэтнуса". Конечно, пишет она, взаимосвязанность русского и степного суперэтнуса не исключала столкновений, о чем и сообщали современники. Но ведь никому не придет в голову на основе современных газетных публикаций считать всю нашу жизнь (52) состоящей из катастроф и чрезвычайных происшествий. Все эти конфликты, подчеркивает автор со ссылкой на Гумилева – преувеличены (53). В русской литературе о XIII–XV вв. сложилась традиция подчеркивать разрушительное влияние монголо-татарского ига. Но ведь кочевники, продолжает И.Б. Орлова, захватили иранские и китайские земли. Но нигде, кроме России, не сложилась историографическая традиция списывать исключительно на врагов все пагубы сепаратизма, собственного внутреннего разлада [А так ли это? И у них есть та же литературная традиция. Но чужое не болит? – Я.Р.]. Если рассматривать взаимоотношения Руси с монгольской ордой в международном контексте, то начало монгольских походов на Русь совпало с активизацией Запада, огнем и мечом насаждавшего католичество. Папа объявил крестовый поход и против неверных, и против православных русских. Тогда же багдадский халиф объявил джихад против монголов. В такой ситуации князь Александр Невский заключает союз с монголами и останавливает крестоносцев. Это, по Гумилеву, военно-политический союз, а "дань" монголам – взнос в общую казну на содержание армии [6, с.47]. Объединение Руси с Золотой Ордой произошло в 1247 г. – через 10 лет после похода Батыя, а дань русские князья платили только с 1258 г. (55). Самостоятельно Русь бы не отразила нашествие крестоносцев. В Орде же появилась епископская православная кафедра (56).

Гумилев, и вслед за ним Орлова, модернизировали политическую историю того времени, свалив в кучу разнородные события. Например, нельзя совмещать призывы папы и джихад мусульман, ибо монголы, в отличие от славян и балтов, были действительно агрессорами. Приписываемый Александру Невскому глубокий анализ геополитической ситуации, решений Рима и Багдада, учитывая тогдашние средства информации, не доказан. Крестовые же походы на Псков и Новгород едва ли можно называть нашествием, особенно, если сравнить их масштабы и результаты с походами Батыя. А православные церкви в Орде... Так ведь монгольскую лояльность к русской церкви объясняют и их тактикой – управлять Русью с помощью ее же духовенства. По крайней мере, этот аргумент не менее убедителен.

Юго-западные русские княжества, продолжает Орлова, отказавшиеся от союза с Ордой, стали жертвами Литвы, Польши и католичества (56).

Тут опять все – "до кучи". Создание Великого княжества Литовского, рост польского и католического влияния происходили в достаточно протяженные промежутки времени и в разных условиях. Галицко-волыньские князья едва ли могли предугадать, что вхождение в ВКЛ спустя почти триста лет приведет к экспансии католицизма и поляков. Они, так же, как и князь Александр, искали союзников против Орды (крестоносцы им не угрожали). По тем же соображениям в составе ВКЛ оказалось всё Поднепровье. Считать жителей региона жертвами созданного здесь по сути нового государства, обеспечившего стабильность и безопасность в течение нескольких столетий – анахронизм, хотя и характерный для части российских историков.

Присоединение Сибири, читаем далее, было бы немислимым без добровольного согласия и взаимного доверия народов. Завоевывали лишь Кавказ и

Среднюю Азию, но Грузия присоединилась добровольно (57). Так, заключает Орлова, складывался фундамент общеевразийского единства (58).

Ну да, у первобытных племен Сибири спрашивали... Завоевывали всего ничего – Кавказ и Среднюю Азию – в которых спустя лет 150, то есть теперь – что?

Не миновала автор, конечно, и знаменитую норманнскую теорию, созданную в XVIII в. немецкими историками в России и превратившуюся затем в антирусскую доктрину, которая и теперь господствует в российских учебниках по истории (63-67). С благословения Петра I норманизм стал официальной версией русской истории, пользовавшейся поддержкой всех последующих русских государей, имевших кровные и родственные узы с большинством европейских дворов (77).

Почему автора не удивляет сам факт "господства норманнской доктрины" в российских учебниках? Значит, есть реальные факты влияния скандинавов, прежде всего дружинников, на политические коллизии Руси периода становления государственности. Серьезные ученые их не отрицают, но и не абсолютизируют. Присутствие дополнительной военной силы ускорило консолидацию древнерусской знати и ее укрепление в тогдашнем обществе. А остальное – лишь эмоционально-националистические крайности, не имеющие отношения к подлинной науке как способу познания истины.

И, наконец, автор обращается к наиболее ярким своим предшественникам – евразийцам. Она справедливо отмечает, что евразийское движение объединило "осколки России" в эмиграции 20-х гг. – всего около 100 человек, самых активных из которых насчитывалось около 30 (95). Антизападничество их связано не только с появлением в тогдашней Европе крупной работы о кризисе западной цивилизации (Шпенглер), но и с тем, что именно Россия, оказалась полигоном, где на базе привнесенных с Запада идей ставился эксперимент построения социализма. Отсюда – подчеркнутое внимание евразийцев к Востоку (97). Почти одновременно со Шпенглером они начали разработку идеи локальной цивилизации как основной единицы исторического прогресса и отрицали идею однонаправленности мирового развития, в которой за вершину принимали западную цивилизацию. Этим они отличались от славянофилов и западников (98), которые при всех различиях стояли на одной и той же платформе – концепции однолинейности социально-экономического процесса. Но если западники на вершину ставили западную цивилизацию, славянофилы утверждали, что Россия не должна отгораживаться от Европы, а пойти во главе ее и всего человечества. Евразийцы же разрабатывали мультилинейную схему (99). Далее – подробно, с пространными цитатами из основоположников евразийства, прежде всего Н.С.Трубецкого.

Казалось бы, серьезный научный анализ евразийства был сделан уже в 20-30-е гг. Новых аргументов у нынешних его адептов нет – они вновь наступают на те же грабли. Поэтому приведу, прежде всего, наиболее яркие критические мысли тех оппонентов евразийцев "первой волны", которые варились в том же котле русской интеллектуальной эмиграции 20-х гг. и хорошо знали "отцов-основателей" евразийства. Их критика вполне актуальна и для оценки нынешних сторонников этой концепции.

Прежде всего, слово – Г.В.Флоровскому, религиозному философу и богослову, в 1921 г. активно поддерживавшему идеи Трубецкого, но уже в 1928 г. опубликовавшему статью, сыгравшую большую роль в развенчании политической идеологии евразийства. "Судьба евразийства – история духовной неудачи. Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать – это правда вопросов, не правда, ответов, правда проблем, а не решений. Так случилось, что евразийцам первым удалось увидеть больше других,

удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними, четко на них ответить они не сумели и не смогли. Ответили призрачным кружевом соблазнительных грез. Грезы всегда соблазнительны и опасны, когда их выдают и принимают за явь. В евразийских грезах малая правда сочетается с великим самообманом... Первоначальное евразийство хотело быть призывом к духовному пробуждению. Но сами евразийцы если и проснулись, то для того, чтобы грезить наяву... Евразийство не удалось. Вместо него проложен тупик. Он никуда не ведет. Нужно вернуться к исходной точке. И оттуда, быть может, откроются новые кругозоры, протянутся новые пути" [10, с.237]. "Евразийцы повторяют и оживляют запоздалые и устаревшие грезы ими же обличаемого "еретического Запада" [10, с.250]. "Евразийская историософия отлилась по мифологическому типу. Евразийцы остаются мифологами, начиная с давних рассуждений о "Европе и человечестве" и кончая новейшими "основами политики" [10, с.252].

И далее у Флоровского. Морфологическое понимание русской самобытности впервые появилось у князя Вл.Одоевского. Народы и все человеческие общества у него – живые организмы, замкнутые и непроницаемые друг для друга. И каждый из них – по своему типу проделывает путь от младенчества до старческого конца. В судьбе Европы князь видел все следы старческого разложения. На смену умирающему поднимается новый народ. Эту схему подхватил Герцен и наполнил ее фактическим содержанием и блеском, создав теорию культурно-исторических типов. Его договаривает скучноватый Данилевский, затем – блестящий Леонтьев со множеством культурно-исторических типов [10, с.252-253]. Данилевский утверждает, что Россия не Европа. Но по какому мерилу, вопрошает Флоровский? В евразийстве смешиваются географические, этнические, социологические, религиозные мотивы без ясного сознания их разнородности. Да, "географически и биологически не так трудно провести западную границу России и даже выстроить на ней стену. Вряд ли так же легко и просто разделить Россию и Европу в духовно-исторической динамике; и вряд ли это нужно. Нужно твердо помнить: имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе". Россия есть Евразия. Но что это: или и не Европа, и не Азия, а третий мир. Или – и Европа, и Азия и это – синтез. Евразийцы в этом колеблются. Восточная граница ее слишком расплывчата и "в пределы Евразии вводится слишком много Азии" [10, с.256-259].

А так в 1925 г. писал Бердяев: "Отношение евразийцев к Западной Европе превратно и ложно, и подобное отношение заслуживает наименования азиатства, а не евразийства". Эллинистическая эпоха была действительно "евразийской", но в том смысле, что в ней соединились Восток и Запад, Азия и Европа. Такое евразийство было универсальным, подготовило почву для христианства. Но современное евразийство враждебно всякому универсализму. Они неверны русской идее, они делают шаг назад по сравнению с Хомяковым и Достоевским, и в этом они духовные реакционеры. Их отношение к Западу и западному христианству в корне ложное и нехристианское. Культивирование нелюбви к другим народам есть грех. Народы, расы, культурные миры не могут быть исключительно носителями зла и лжи. Это не христианская точка зрения [11].

И еще – историк и политолог А.Кизеветтер, написавший тоже в 1925 г.: "Евразийство" есть настроение, вообразившее себя системой. Возникновение евразийского настроения вполне объяснимо. Оно родилось из ощущений, навеянных 1) великой европейской войной и 2) водворением в России большевизма". Европейская война изобиловала кричащими фактами, которые нельзя воспринимать иначе, как проявление европейского варварства. Но война и

есть варварство и что еще от нее можно ждать. Но некоторые "поспешно мыслящие умы" утверждают, что она обнаружила смертоносное разложение всей европейской культуры. "Это слишком поспешное заключение и дало пищу тому настроению отталкивания от европейского культурного мира, которое овладело некоторой (небольшой) частью русской интеллигенции в связи с недавно пережитыми событиями. Европейская культура – вот враг, которому нужно объявить борьбу во имя лучшего будущего России: таков был лозунг, под которым указанное настроение стало искать для себя определенного оформления". Против того, что Россия не может следовать всецело по пути европейского культурного развития, так как представляет собой своеобразное совмещение европейской и азиатской жизненных стихий никто и не возражает. Россия сложилась на рубеже Европы и Азии и без учета азиатского элемента нельзя понять российский уклад. Здесь – синтез европейского и азиатского. Но евразийцы очень своеобразно трактуют понятие синтеза. У них выходит, "что синтез различных начал состоит во взаимном враждебном столкновении синтезирующихся начал. Вот это открытие евразийцев, ибо доселе так никто не понимал синтеза". "Весь этот апофеоз русско-татарского культурного единения производит весьма странное впечатление на человека, хотя бы несколько знакомого с фактами русской истории. "Пронизанное противоречиями, оно [учение евразийцев – Я.Р.] представляет собою слишком легкую, как бы воздушно фантастическую постройку". "Этой фантастической русско-татарской Евразии они присвояют миссию стать во главе всего внеевропейского мира против европейской культуры, тлетворной, насильнической и дышущей на ладан. А в противоположность этому гниющему европейскому западу (как давно, подумаешь, он уже гниет: еще наши деды, если не прадеды, в 40-х годах XIX в. твердили об этом гниении, а все никак сгнить не может) Евразии предлагается и предрекается явить миру небывалую картину экономическую прогресса под пятой патриархального деспотизма" [12].

Прошу прощения за столь обширные выдержки, но ведь это – еще из 1925-28 гг.! К чему же топтаться на месте? Орлова знает сочинения этих критиков, ибо ссылается, в том числе, и на сборник, в котором они недавно публиковались.

Поэтому добавлю оценку нашего современника и отнюдь не "западника" – философа А.С.Панарина. Евразийство, пишет он, скомпрометировано создателями этой концепции, в конце 20-х гг. поддержавших итальянских фашистов и большевиков. Вопреки их представлениям, а также их современных последователей, достоинство евразийского проекта – не в мнимых преимуществах авторитарности над демократией. Попытки придать евразийской цивилизации характер восточной деспотии случались в прошлом неоднократно, но ввергали общество в застой и смуту [13, с.11].

Вывод И.Б.Орловой: западная цивилизация – всего лишь одна из многих, параллельно существующих. Она подчинена общим закономерностям цивилизационного развития и ей не дарованы вечная жизнь и вечный прогресс. Оценки западной цивилизации как венца эволюции основаны, замечает И.Б. Орлова, на подмене понятий: под "общечеловеческими ценностями", "общечеловеческой цивилизацией" на самом деле понимаются ценности западного мира, которые, как якобы универсальные, активно и небезуспешно насаждаются везде, где не встречаются особого сопротивления. При таком подходе условием вхождения России и других постсоветских государств в "цивилизацию народов Европы" является втягивание их в сферу западных цивилизаций. Но итогом строительства "общеевропейского дома", считает И.Б. Орлова, станет не обоюдное торжество общечеловеческих ценностей, а – отказ

от собственной национально-культурной доминанты и замена ее на господствующие ценности другой культурно-исторической системы (цивилизации). В рамках общей цивилизационной концепции, включает автор, параллельно существуют в том числе и западная, и евразийская цивилизации. Основной составляющей евразийской цивилизации является Россия (118-119).

Подведем итог и мы. Идея множества цивилизаций – обоснована. Идея общих закономерностей развития цивилизаций – обоснована. Идея особенности региона "Евразия" в определенных исторических периодах – уместна. Но, во-первых, много путаницы в представлениях о путях формирования евразийской цивилизации. Во-вторых, единой евразийской цивилизации в истории не было и нет: включаемые в нее компоненты слишком различны в очень многих отношениях, а выделение современной России в качестве гегемона – оправдание собственного гегемонизма. В-третьих, автор даже и не ставит задачу разобраться, почему из всех цивилизаций только одна выработала больше нигде не проявляемый динамизм – всё та же нелюбимая – западная. А без этого остается неясным (кроме общих призывов к единению), что же должна делать и куда же должна развиваться "евразийская цивилизация" и что же брать из опыта динамичнее развивающихся соседей. Кстати, утверждение об утрате национальной самобытности при восприятии западной экономической модели – миф. Нидерланды все равно не похожи на Японию, а США – на Германию [14]. В-четвертых, очень показательно для евразийской концепции полное пренебрежение иными славянскими народами, кроме великорусского...

Итак, евразийство как политическая идея может быть и возможна, но как цивилизация – блеф, ибо состоит из слишком разнородных этно-культурных, географических и хозяйственных элементов. Реально её никогда не было, если не считать за таковую монгольскую Золотую Орду и недавний социалистический лагерь. Но это – чисто политические структуры – и всё!

ЛИТЕРАТУРА

1. **Риер Я.Г.** Сколько путей проложила для нас история? // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – № 1. – С. 59-68.
2. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. шестое. – СПб., 1995. – 552 с.
3. **Хантингтон С.** Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – № 1.
4. **Бердяев Н.А.** Судьба России. – М., 1990.
5. **Седов В.В.** Славяне в древности. – М., 1994.
6. **Гумилев Л.Н.** Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993.
7. **Дьяконов И.** Огненный дьявол // Нева. – 1992. – № 4. – С. 225-228.
8. **Тюрин А.** Письмо в редакцию. – Там же. – С. 223-225.
9. **Клейн Л.** Горькие мысли "привередливого рецензента" об учении Л.Н.Гумилева. – Там же. – С. 228-246.
10. **Флоровский Г.В.** Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. (Антология). – М., 1993. – С. 237-265.
11. **Бердяев Н.А.** Евразийцы. – Там же. – С. 292-300.
12. **Кизеветтер А.** Евразийство. – Там же. – С. 266-278.
13. **Панарин А.** Между атлантизмом и евразийством // Свободная мысль. – 1993. – № 11. – С. 3-15.
14. **Новопрудский С.** Старые натуралисты // Известия. – 2000. – 2 февраля.

Я.Г.РИЕР,
доктор исторических наук,
профессор.